

Венета Янкова

Шуменский университет, Болгария

Исторические восстановки, идентичность и досуг¹

Классический текст Питера Берка „Изобретение досуга в ранней современной Европе”/ „The Invention of Leisure in Early Modern Europe” развивает положения на Н. Элиаса и М. Фуко, в соответствии с которыми, в доиндустриальной Европе XVIII в. общество становится все более регулируемым и „более дисциплинированным”. В качестве реакции против происходящего, возникает понимание о „досуге” и о связанных с ним неутилитарных социальных тенденциях, которые позже оформят так называемую „культуру досуга”/ „leisure culture” (Burke 1995). Нарастающий интерес к проблематике в последние 20–25 лет утверждает два новых научных направления в гуманитаристике: исследование досуга/ leisure studies и антропология досуга/ anthropology of leisure. В начале XXI в. под воздействием таких мировых процессов, как глобализация, увеличенная социальная мобильность, „бум” этничности и идентичности, „восход памяти” (по: Нора 2004) и др., когнитивное поле концепта „досуг” расширяется и усложняется.

Настоящее изложение направлено к проблеме о современных интерпретациях истории в их взаимосвязи с досугом городского жителя. В нем ставится вопрос о реконструкциях² исторического наследства — создаваемых, экспериментируемых и понимаемых по-разному, или, наоборот, в некоторой степени, одинаково, в разнообразных культурных контекстах, разными социальными группами. Для этой цели в нем представлены два конкретных случая из Венгрии и один — из Литвы. В нем анализируются такие актуальные исследовательские вопросы, как: индивидуальные и коллективные формы для

¹ Тезисы текста представлены на международной научной конференции „Town and its inhabitants in the perspective of ethnological research: festivals and leisure time” (Вильнюс, ноябрь 2015).

² Для обозначения явления употребляются понятия: historical reenactment (восстановка); historical staging (инсценировка); living history, histoire vivante (живая история) и др. Теоретические основания статьи находятся в следующих исследованиях: Collingwood 1946; Handler, Saxton 1988; Gapps 2002, 2009; Burke 2005; Maccalman 2007: 12; Agnew 2004, 2007; Winter 2010: 20, 35 и др.

посредством символического братства между этими народами, сформулированное в тексте принятой общей декларации: „По приказу Неба/ Бога: казахи, киргизы, узбеки, турки, азеры, уйгуры, башкиры, якуты, болгары, венгры, мадяры, татары, туркмены, монгольцы, чувашы, гагаузы, японцы — братья гуны.“ / “From the order of the Sky: kazak, kirgiz, ozbek, turk, azeri, uygur, bashkir, sakha (yakut), bolgar, magyar, madjar, tatar, turkmen, mongol, chuvash, gagauz, japan are hun brothers.”⁵

Важным аспектом события является его взаимосвязь с национальной историей и с национальной мифологией венгров и его коммеморативный характер (Gapps 2009; Meriwether, Mattoon D’Amore 2012). Воспоминание доевропейского прошлого венгров строится из нескольких типов деятельности с информативно-познавательным, спортивным и развлекательным характером. С их помощью реконструируются факты и события дальнего прошлого nomadских народов, репрезентированные в зависимости от представлений организаторов и участников. Такие виды деятельности основаны на: археологических находках, на анализе исторических документов и их современных интерпретациях. Представим некоторые из них: На основе археологических данных организовываются выставки антропологических реконструкций фигур предков. Реконструкции доспехов (броня, кольчуга) воинов эпохи „захвата родины“ (hangfoglalás). Местные клубы стрельбы из лука и верховой езды демонстрируют свои спортивные умения. Особенно аттрактивный характер носит воспроизведение коллективной спортивно-состязательной игры бужкаши⁶, которую и сегодня можно наблюдать среди ряда народов Центральной Азии. Религиозные верования древних nomadов реконструированы посредством воспроизведения шаманских ритуалов, осуществляемых главным шаманом. Специальный акцент представляет собой т. наз. талтош (táltos) — венгерская рецепция шаманизма (Balassa, Ortutay 1979: 21, 560, 634).

Фот. 2. Курултай: “мировое дерево” и талтош (2012). Фотография: Ибоя Такач

⁵ По: <http://kurultaj.hu> (04.02.2017).

⁶ Бужкаши/ Buzkashi („скачка лошадей”) — спорт в Центральной Азии, при котором участники на конях должны дотащить тело мертвого козла до определенной цели.

В практической деятельности реконструкции прошлого являются заявлением стремления к максимальной аутентичности. Для этой цели используются старинные материалы и технологии, прослеживаются сведения из древних образцов и источников (Gapps 2009; Hart 2007). Но такое стремление допускает существование эклектичных форм, осмысленных в зависимости от ценностей современного человека. Здесь, естественно, замечается селективность деятельности, несомненное влияние идейных приоритетов события и его ориентация в сторону потребностей досуга городского жителя и связанные с ним спорт и развлечения.

Историческая реконструкция становится событием, которое объединяет всех участников, они формируют большое сообщество, так как они связаны не только своим совместным присутствием на одном празднике, но и общими ценностями (Tuailleon Demésy 2014; Edginton, Chen 2014: 83–100). В конкретном случае выделяются два типа ценностей: с одной стороны сами организаторы поддерживают и выражают идеи венгерского национализма и идеологию туризма, нео-туризма, евроазиатства (Akçalı, Korkut 2012; Csernyei 2013: 12–13; Balogh 2015: 197–198; Kowalczyk 2017). С другой, посетители и большая часть участников разделяют скорее романтический взгляд о потерянном идеализированном начале номадского прошлого, которое они ищут и находят в спорте и в развлечениях во время досуга.

2. Встреча куманов в Карцаге, Венгрия

*Мировая встреча куманов*⁷ является локальным событием с международным участием. Впервые оно проводится в 2009 г. в маленьком городе Карцаг в области Кишкуншаг/Малая Кумания, не случайно называемом „столицей венгерской Кыпчакии”⁸. Она предшествована *Куманским конным походом* по стопам Котяна — куманского вождя, предводителя поселения половцев в Карпатском бассейне в XIII веке (Selmeczi 2011). Стремлением организаторов является воспроизведение событий, которые произошли в дальнем прошлом, когда куманские прибывают в эти земли и просят прибежища у венгерского владельца. Эта реконструкция ставит себе целью содействовать популяризации половцкой идеи, а также и ее развитию в более широкие культурные измерения и формы. Для современной интерпретации фактов прошлого показательными являются некоторые символические действия: земля из района Карцага посыпается по дороге; всадники продвигаются в колонне под предводительством белой лошади без всадника, символизирующей праотцов. В группу включаются люди с воображаемым куманским происхождением и такие, которые самоопределяются как „куманы” или разделяют общие „куманские” ценности. Таким образом, реконструкция реального события из средневековья в настоящем времени приобретает новый смысл — оно активизирует интерес к этому периоду прошлого

⁷Куманы (кыпчаки, половцы) — ассимилированный номадский народ. Их названия: куманы: kuman / pl. Kumanlag (тюркский), kun / pl. Kúnok (венгерский); Ко(υ)μάνοι, Κο(υ)μανοί; cuman / pl. Cumanī (румынский); Половцы (русски); Половці (укр.). Подробнее: Стоянов 2011.

⁸Сегодня в Карцаге существует представительство Республики Казахстана и осуществляется активное сотрудничество между венгерскими и казахстанскими гражданскими организациями.

и выстраивает символическую связь между поколениями. Встреча куманов Карцаге осуществляется при поддержке местных властей, местных гражданских организаций Консульства Казахстана. Основными участниками в нем являются венгерские спортивные клубы по стрельбе из лука и верховой езде. Важным моментом, адресованным широкой публике, являются лекции специалистов, представивших куманскую одежду, куманское оружие, средневековые техники боя.

Фот. 3. Кишуйсаллаш, Венгрия (2009). Фотография: В. Янкова

Фот. 4. Игра бузкаши. Карцаг, Венгрия (2009). Фотография: В. Янкова

В качестве события с местным значением оформляется и *Куманский праздник в Кишуйсаллаше*, расположенном недалеко от Карцага. Его центром стала ферма Дьорда Хорвата, а основными участниками — члены местного Клуба по верховой езде. И в этом случае программа события ориентирована на презентацию спортивных умений, одежды и вооружения, инспирированных средневековыми образцами.

Сегодняшнее бытие на куманской идеи в районе Карцага может быть осмыслена в своей полноте в плане национальной мифологии и в венгерской „ностальгии по корням” (Méhu 2010; Филко 2010). Но, по мнению Ковача Шандора, руководителя организации „Куманский союз” в Карцаге, куманская идея является выражением не столько „кыпчакского происхождения” в узко генетическом смысле понятия, а в более широком плане — демонстрацией культурной

близости и культурного сходства, взаимодействия между двумя культурами, которые разделяют одинаковые ценности и у которых общее начало. Вместе с этим, куманские топосы (оружия, одежда, техники боя, соревновательные игры и пр.), которые преобладают во время Куманских встреч, функционируют в качестве знаков культурной особенности региона и как удачная возможность его репрезентации перед местными жителями и перед туристами.

Производит впечатление мультиплицирование номадских праздников в Современной Венгрии. Но в Надькуншаге замечается особенность, придаваемая „куманским элементом” в прошлом региона: на местных праздниках вспоминаются не мадьяры, которые прибывают сюда в IX веке как всадники, что происходит с Курултаем, а куманские предки XII в. — „последние номады, переселившиеся се в Карпатский бассейн” (Szilági 2011: 276). Для местных людей номадские праздники во время выходных дней для города являются важной формой репрезентации района посредством куманского наследства — его уникальности и культурной специфики. А это является доказательством связи между историческим прошлым и его реконструкции с укреплением и поддержкой региональной идентичности Кишкуншага/ Малой Кумании.

Б. Историческая реконструкция — репрезентация и самопознание

Военно-исторический клуб литовских татар в Каунасе создан в 2008 г. и носит имя генерал Юзефа Беляка (Шафранавичюс 2012; Ситдыков 2009). Он утверждается как форма изучения и визуализации истории. Клуб участвует в реконструкциях разных исторических событий: сражение между повстанцами Т. Косцюшко и царскими войсками, которое произошло в 1794 г. в Каунасе (2008); Делтувская битва у Укмерге (2009). Приняли участие и в инсценировках исторической Грюнвальдской битвы в 1410 г.⁹ и в реконструкциях сражений в предместье Варшавы Кобылке, в Рацловицах. Мотивация деятельности Клуба связана с интересом к прошлому татар, проживающих в регионе. По словам Кястутиса Шафранавичюса: „Когда угаснет деятельность нашего клуба, тогда все предадем историческому музею. Мы хотим сохранить память о прошлом.“ Эта познавательная мотивация дополняется индивидуальным эмоциональным переживанием и личной идентификацией с прежними участниками в важных для Европы и для всего региона исторических событиях.

К познавательному аспекту реконструкции литовские татары добавляют и самопознание. Их выступление осмысливается не только как театральная деятельность, но и как форма возвращения к прошлому предков — и об их отождествлении с ними как героев (Jakubauskas, Sitdykov, Dumin 2012). С другой стороны, такая визуализированная современная интерпретация пересоздает татарский вклад в историю региона и иллюстрирует собственный татарский рассказ о прошлом, который, в свою очередь, дополняет „большой националистический нарратив” (по: Лиотару). Такой престижный визуальный

⁹Современные татары в Литве определяют Грюнвальдскую битву как самое важное событие в истории местных татар.

рассказ о героическом прошлом является эффективным способом представления перед публикой, и, вместе с этим, действенным средством этнической идентификации и этнической консолидации.

Фот. 5. Участники Военно-исторического клуба литовских татар.
Фотография: К. Шафранавичюс

Фот. 6. Восстановка с участием Военно-исторического клуба литовских татар. (2012). Фотография: К. Шафранавичюс

Заключение: В постмодернистском мире исторические реконструкции твердо обосновываются как эффективная возможность индивидуального и коллективного сопереживания прошлого (Edginton, Chen 2014: 12–13). Посредством самоидентификации участников с героями прошлых эпох и достигается индивидуальный чувственный и эмоциональный опыт о прошлом. Посредством привлечения театральных форм (действие, костюмы, диалог)

создается и распространяется популярное историческое познание, осуществляя демократизацию исторической науки. Проблема об аутентичности презентуемого не является догмой, а критерием истинности, а также вопросом интерпретации. Политики воспоминания активизируют идентификацию с героями и событиями из истории места, региона, нации, этноса. Цели такого воспоминания разные: культурные, идейные, идеологические, познавательные, развлекательные, популяризация региона — для нужд туристической индустрии и пр. При всем их разнообразии, эти политики подтверждают связь между историей и настоящим, идею о воспоминании как об актуальном прошлом (actual past).

Нарастающий интерес к „живой истории” свидетельствует о культурных изменениях в историческом сознании (Gapps 2002). Эпоха постмодернизма утверждает необходимость в новом понимании исторического познания, построенного из множества взаимно дополняющихся, а иногда и противоречащих друг другу, нарративов о прошлом: элитарный и не элитарный, академический и популярный, национальный и альтернативные ему (социальные, этнические, феминистские, местные) и пр. Исторические реконструкции как часть культуры досуга являются одной из возможностей их публичной легитимации.

Если предшествующий современности мир оформляет представление о досуге, то постмодернистский создает возможность его (досуга) диахронической трансформации, т. е. обвязывает его переосмысленными формами из средневековья и доиндустриальных времен. На этом этапе исследования и при ограничении анализируемого эмпирического материала, можно допустить только некоторые из возможных причин этих процессов, среди которых можно назвать: поиск идейных и культурных опор в далеком идеализированном прошлом; мобилизация представлений и образцов из этого прошлого для целей настоящего. По словам Лоуэнтала: „... при инсценировании (re-enactments) воспроизводятся сами события прошлого. Некоторые из организаторов подобных действий просто ищут развлечений, другие стремятся убедить себя и других в реальности прошлого, третьи хотят усилить разоблачительное действие истории, а четвертые — ищут ощущение смысла или возбуждения, которых им не хватает в настоящем...” (Лоуэнталь 2004, 448–449).

Библиография

1. Agnew 2004: Agnew, V. Introduction: What is Reenactment? — In: *Criticism*, Volume 46, № 3, (Summer 2004), 327–339.
2. Agnew 2007: Agnew, V. History's affective turn: Historical reenactment and its work in the present. — In: *Rethinking History*, Volume 11, Issue 3, (September 2007), 299–312.
3. Akçalı, Korkut 2012: Akçalı, Em., Korkut, U. Geographical Metanarratives in EastCentral Europe: Neo-Turanism in Hungary. — In: *Eurasian Geography and Economics* 53, № 5 (2012), 596–614.
4. Balassa, Ortutay 1984: Balassa, Iván and Ortutay, Gyula. Hungarian Ethnography and Folklore. With a preface by Al. Fenton. Corvina. Budapest.
5. Balogh 2015: Balogh, P. Returning to Eurasia from the heart of Europe? Geographical metanarratives in Hungary and beyond. — In: Törnquist-Plewa B., Bernsand N., Narvselius E. (ed.) *Beyond Transition? Memory and Identity Narratives in Eastern and Central*

- Europe. Konferencia helye, ideje: Lund, Svédország, 2013.10.02–2013.10.04. Lund: The Centre for European Studies (CFE) at Lund University, 2015, 191–208. (CFE Conference Papers Series, 7). On-line: http://open-archive.rkk.hu:8080/jspui/bitstream/11155/864/1/balogh_returning_2015.pdf (11.09.2017).
6. Bíró, Zalán, Völgyi, Pamjav 2009: Bíró, A.Z., Zalán, A., Völgyi, A. and Pamjav, H. A Y-chromosomal comparison of the Madjars (Kazakhstan) and the Magyars (Hungary). — In: *American Journal of Physical Anthropology*. № 139 (3), 305–310.
 7. Burke 1995: Burke, P. The Invention of Leisure in Early Modern Europe. — In: *Past & Present*, № 146, (Feb., 1995), 136–150.
 8. Burke 2005: Burke, P. Performing History: The Importance of Occasions. *Rethinking History*. Vol. 9, № 1, (March 2005), 35–52.
 9. Collingwood 1946: Collingwood, R. G. *The Idea of History*. Epilegomena: 4: History as Re-enactment of Past Experience. On-line: https://www.brocku.ca/MeadProject/Collingwood/1946_4.html (07.09.2017).
 10. Csernyei 2013: Csernyei, T. Hungarian Turanism. — In: *Tehlikedeki Diller Dergisi/ Journal of Endangered Languages*. (Winter 2013), 1–15. On-line: <http://dergi.tehlikedekidiller.com/index.php/TDD/article/view/187> (07.09.2017).
 11. Edginton, Chen 2014: Edginton Ch., Chen, P. *Leisure as Transformation*. 2 Edition. Sagamore Publishing LLC. On-line: <https://www.sagamorepub.com/files/lookinside/453/galley.pdf> (07.09.2017).
 12. Gapps 2002: Gapps, St. *Performing the Past*. A Cltural History of Historical Reenactment. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. University of Sydney.
 13. Gapps 2009: Gapps, St. Mobile monuments: A view of historical reenactment and authenticity from inside the costume cupboard of history. — In: *Rethinking History*. Vol. 13, № 3, (September 2009), 395–409.
 14. Handler, Saxton 1988: Handler, R., Saxton, W. Dyssimulation: Reflexivity, Narrative and the Quest for Authenticity in Living History. — In: *Cultural Anthropology*, Vol. 3. № 3 (Aug. 1988), 242–260.
 15. Hart 2007: Hart, L. Authentic recreation: living history and leisure. In: *Museum and society*, (July 2007), 5 (2), 103–124.
 16. Jakubauskas, Sitydkov, Dumin 2012: Jakubauskas, A., Sitydkov, G., Dumin, St. *Lietuvos totoriai istorijoje ir kultūroje*. Lietuvos totorių bendruomenių sąjunga. Kaunas.
 17. Kowalczyk 2017: Kowalczyk, M. Hungarian Turanism. From the birth of the ideology to Modernity — an outline of the problem. — In: *Historia i Polityka* № 20 (27)/2017, 49–63. On-line: <http://apcz.umk.pl/czasopisma/index.php/HiP/article/viewFile/HiP.2017.011/11715> (11.09.2017).
 18. Maccalman 2007: Maccalman, I. Historical Reenactments. Should we take them seriously? — In: *The Annual history lecture council of New South Wales*. On-line: <http://historycouncilnsw.org.au/wp-content/uploads/2013/01/2007-AHL-Mccalman1.pdf> (07.09.2017).
 19. Méhu, Barros Almeida, Cândido da Silva 2010: Méhu, D., Néri de Barros Almeida et Marcelo Cândido da Silva (sous la direction de). *Pourquoi étudier le Moyen Âge?* Paris, Publications de la Sorbonne.
 20. Meriwether, Mattoon D'Amore 2012: Meriwether, J.L., Mattoon D'Amore, L. (editors). *We Are What We Remember: The American Past Through Commemoration*. Cambridge Scholars Publishing.
 21. Selmeczi 2011: Selmeczi, L. *Kötöny népe Magyarországon*. Karcag Város Önkormányzat. Karcag.
 22. Szilági 2011: Szilági, M. A nagykun öntudat. — In: *Kunok és jászok 770 éve a Kárpát-medencében*. A Jászok kutatása 2009. Szolnok, 257–286.

23. Tuailon Demésy 2014: Tuailon Demésy, Audrey. L'histoire vivante médiévale. Pour une ethnographie du „passé contemporain”. — In: *Ethnologie française*. 2014, Vol. 44, № 4, 725–736.
24. Winter 2010: Winter, J. The performance of the past: memory, history, identity. — In: Karin Tilmans, Frank van Vree and Jay Winter (eds.) *Performing the Past. Memory, History, and Identity in Modern Europe*. Amsterdam University Press, 11–31.
25. Лоуэнталь 2004: Лоуэнталь, Д. Прошлое — чужая страна. СПб., 448–449.
26. Нора 2004: Нора, П. Световният възход на паметта. — В: Знеполски, Ив. (съст.) *Около Пиер Нора. Места на памет и конструирани на настоящето*. Дом на науките за човека и обществото. София, 19–35.
27. Ситдыков 2009: Ситдыков, Г. Кястутис Зенонас Шафранавичюс: „Мы приглашаем всех участвовать в деятельности общины“. — В: *Lietuvos Totoriai*, № 4–6 (125–127), 9–11.
28. Стоянов 2011: Стоянов, В. Хронология и периодизация в историческото познание като опит за осмисляне на вечността. — В: Стоянов, В. *Valeristica Polyhistorica*. Избрани приноси към гранични области на историята. Том. 1. София. Институт за исторически изследвания при БАН, 519–529.
29. Филко 2010: Филко, В. „Всеки има национален език, на който сънува. Аз сънувам на унгарски”. Концепции за националното и белези на исторически изобретена традиция в една общност на стрелци с лък. — В: *Ethnologia academica*. 5. Модерни и постмодерни етюди в етнологията и антропологията. Съставител доц. д-р Веселин Тепавичаров. София: ИК „Гутенберг“, 219–236.
30. Шафранавичюс 2012: Шафранавичюс, К. Военно-историческият клуб литовских татар имени генерала Юзефа Беляка. — В: *Lietuvos Totoriai*, № 4–6 (142–144), 14–15.

Historical reenactments, identity and leisure

Abstract

This article discusses the heritage re-enactments created, experienced and understood differently (or similarly) in various cultural contexts and by different groups. The text analyses some cases from Hungary and Lithuania and examines questions like the individual and the collective forms of constructing the past, of forming identities and the policy of remembrance and its uses in the leisure time.

A. Between the idea of neo-turanism and the nostalgia for the nomad past. 1. Kurultai in Hungary. The main organizer of the event is the Hungarian-Turán Foundation. A major aspect is its connection to the history of the nation and to the Hungarian national mythology and its commemorative character. Today Kurultai in Hungary is an efficient means for preserving the national memory, mythology and identity. Reminding the pre-European past of the Hungarians is done by several types of activities with informative, cognitive, sports and entertaining character. They are based on archaeological findings, analysis of historical documents and their contemporary interpretations. The organisers express the ideas of the Hungarian nationalism and the ideology of Neo-Turanism and eurasianisation. The visitors and a major part of the participants share the romantic idea of some lost primitiveness of the Nomad past which they look for and find in sports and entertainment activities and events in their leisure time. 2. A meeting of the Cumans in Karcag, Hungary. This event with international participation was held for the first time in 2009 in the town of Karcag and was carried out with the support of the local authorities, local non-governmental organisations and the consulate of Kazakhstan. Main participants in the event are Hungarian archery and equestrian clubs. The increase in the number of the nomad celebrations in Hungary is impressive. But in the context of the non-ending interest toward the Asian roots and “nostalgia” for the Nomad past in the area of Nagykunshág (Great Cumania), a peculiarity is noted due to the “cuman element” of region’s past — during local festivities, the Magyars who arrived there in the IX century, which happens

at Kurultai, are not celebrated, but the Cuman ancestors from the XII century. To the local authorities and to the people, living in the area, the nomadic celebrations during the holidays are an important form of representing the region through the Cumanian heritage — its uniqueness and cultural specificity.

B. The historical reconstruction — representation and self-knowledge. (From the work of the Military history club of the Lithuanian Tatars in Kaunas). The Military history club of the Lithuanian Tatars in Kaunas is established in 2008. It strengthens its position as a way for studying and visualizing history. The club's activity is connected with the interest to the past of the Tatars in the region. This stimulus for information is also enriched by the personal sensations and emotional experience of the participants after identifying themselves with long-lived people who took part in historical events, important to the region and to Europe. The Lithuanian Tatars also add self-knowledge to the informative aspect of the reconstruction. Their performance is viewed as a return to their ancestors' past — real and fictional ancestors and as a way of identifying with them as heroes. The glorious past of the forefathers of the contemporary Tatars is a reason for pride. On the other hand, such visualised contemporary interpretation recreates the Tatars' contribution to the history of the region and illustrates the Tatars' tale for the past by expanding "the great national narrative" (after Lyotard). Such prestigious narrative of the heroic past is an effective way for performing in front of an audience and serves as an active tool for ethnic identification and ethnic consolidation.

Conclusion: In the postmodern world the historical reconstructions seem to be an effective opportunity for individual and collective experience of the past. By self-identifying with heroes from previous epochs, the participants achieve individual sense and emotional experience of the past. The use of theatre forms (action, costumes, dialogue) creates and distributes popular historical knowledge; thus, science of history is democratized. The problem of authenticity is not a dogma but a criterion for truth and a question of interpretation. The policies of reminding stir the identification with heroes and events of the local, regional, national and ethno-history. The purposes of such reminding are different: cultural, ideological, informative, entertaining linked to popularizing the region for the needs of the tourist industry, etc. The variety of these policies confirms the connection between past and present and supports the idea of commemoration as an actual past. The growing interest toward "live history" shows the cultural changes in the historical consciousness. The period of postmodernism recognizes the need of a new understanding of the historical knowledge, built by multiple self-complementing and sometimes contradicting narratives regarding the past: elite and non-elite ones, academic and popular ones, national and alternative (social, ethnic, feminist, local), etc. Historical reconstructions as a part of the culture of leisure time are one of the possibilities for their public identification.

Veneta Yankova, University of Shumen, Bulgaria, e-mail: veneta_yankova@abv.bg

